

МИСТИЦИРОВАНИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТЕЛЕПРОСТРАНСТВА

М. А. Гладко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Развертывание научно-познавательных текстов в современном телепространстве зачастую сопровождается мистическим толкованием явлений, событий, процессов. Темы неизведанного, таинственного, мифологического прочно закрепляются в телекоммуникации, становятся текстообразующей константой познавательных телепередач. Выявлены и описаны функции, инструменты, текстообразующие топика и доминантные языковые способы мистицирования познавательных текстов в телепространстве.

Ключевые слова: *телевидение, познавательные передачи, мистицирование, концепт, тайна, мифология.*

Введение

На протяжении развития человеческой мысли мифологическая, религиозная, художественная, научная и философская картины мира являются доминирующими типами картин мира человека. Научная картина мира стала фундаментом современной цивилизации в силу своей способности изменять окружающую действительность [5. С. 13]. Это ее свойство активно используется познавательным телевидением, которое представляет собой влиятельную и популярную коммуникацию, выступающую триггером модернизации общества и источником познавательной, научно-популярной информации [Там же. С. 16]. Познавательное телевидение, или телевидение знаний, представляет собой сложную сферу журналистики, так как научно-познавательные передачи должны содержать проверенные актуальные научные факты, а также быть интересными для широкой аудитории. При этом передача должна реализовать основные функции научно-популярного телевидения: распространять техническую информацию и популяризировать науку, формировать общественное мнение по научным вопросам [4. С. 546].

Медиатизация знания диктует свои специфические способы подачи информации в пространстве познавательного телевидения, которое имеет тенденцию информировать, развлекать и просвещать аудиторию. Е. А. Кожемякин отмечает, что «большинство телеканалов демонстрируют существенный крен в сторону либо развлекательного, либо публицистического контента» [10. С. 48]. Данные соображения обуславливают необходимость продолжения исследований в этой области в рамках лингвистической парадигмы с целью выявле-

ния новых свойств познавательных телетекстов, что определяет актуальность данной работы. Проведенное исследование позволило зафиксировать специфическую особенность современного познавательного телепространства — медийные послания предстают в статусе зрелища за счет мистицирования, имеющего свои цели, функции и способы репрезентации.

Остановимся подробнее на понятии «мистика». Мистика как составная часть «мировоззрения человека предполагает его веру в существование сверхъестественных сил, с которыми он особым, таинственным образом якобы связан и может общаться; нечто загадочное, непонятное, совершенно необъяснимое» [16]. На обыденном уровне мистика включает все загадочное, неясное для рассудка, недозволенное для непосвященных [8. С. 791].

В истории человеческого познания мистика представляет собой особую картину мира и способ его познания. Характерные черты мистики сформировались в мифологическом миропонимании первобытного общества, для которого мистицизм имел практический смысл [9. С. 117]. Древнейший тип сознания — мистика — периодически проявляется в различных сферах жизнедеятельности общества. П. С. Гуревич отмечает наличие волн мистики в истории европейского человечества: «Средневековье характеризуется ренессансом древней мистики. Возрождение, напротив, тянулось к античным постижениям разума. Просветители кичились интеллектом, романтики в противовес им погружались во всеохватный делириум (сладкое безумие)... Мистическая духовная традиция проникла не только в науку, но и в искусство. Нидерландский художник И. Босх создал полотна,

содержание которых имеет аллегорический, магический характер» [6. С. 80].

Стремление человека обосновать природные и социальные явления посредством обращения к ненаучному, мистическому получает распространение также в телепространстве. Интерес к потустороннему миру, мифологии характерен для медиапотребителя «независимо от того, живет он в пещере или современном высокотехнологичном жилище, символизирующем вершину развития рациональной мысли», что, собственно, объясняет популярность жанров мистического шоу «Битва экстрасенсов», сказки, фэнтези и т. п. [2. С. 187—189].

По нашим наблюдениям, темы неизведанного, таинственного и мифологического (сказочного) прочно закрепились в современной познавательной телекоммуникации. Соответственно, целью предпринятого исследования ставится выявление специфики мистицирования как текстообразующего фактора познавательных типов текста. Для ее решения представляется необходимым осветить ряд вопросов: каковы инструменты мистицирования и их функции в системе познавательного телеконтента; какой арсенал языковых средств задействован при конструировании мистического коммуникативного пространства телевидения?

Эмпирическим материалом предпринятого исследования послужили около 400 телепередач познавательного, научно-познавательного характера, транслируемых Белтелерадиокомпаниями.

Методологической основой работы послужили: индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также ряд частнонаучных, лингвистических методов: дефиниционной интерпретации, семантического, контекстуального, концептуального типов анализа.

В результате анализа установлено, что специфика коммуникативного пространства, создаваемого познавательным телеэфиром Беларуси, заключается в мистицировании посредством формирования определенного концептуального поля, структурно-семантической организации, вкрапления в научно-просветительский телетекст апелляций к таинственному/мистическому. При этом фабулы текстов строятся на мистическом отношении к повседневным бытовым предметам, различным явлениям действительности. Как показывает исследование, коммуникативное пространство телевидения мистицируется посредством: 1) специфического ментального образования, единицы ментальных ресурсов сознания — концепта «тайна»; 2) вари-

ативных образов народной мифологии. Выявлены функции, мистицируемые топики и языковые средства, воплощающие темы таинственного, неизведанного и мифологического.

Концепт «тайна» как инструмент мистицирования познавательного телепространства

Рассматривая способы мистицирования познавательного телепространства посредством концепта «тайна», отметим некоторые особенности. Концепт, согласно Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкову, представляет собой «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящие информацию о нем» [11. С. 40—59]. Как известно, концепты появляются в процессе конструирования информации об объектах и их свойствах. Такая информация может содержать сведения об объективном положении дел или о воображаемых мирах и вероятном положении дел в данных мирах, а также о том, что человек понимает об объектах мира [12. С. 89—90]. Соответственно, активное внедрение концепта «тайна» в телетекстах нацелено на организацию информации познавательного характера особым образом и для реализации специфических интенций.

Для начала определим специфику понятийной (смысловой) составляющей концепта «тайна». Анализ словарных дефиниций показал определенного рода полярность лексемы *тайна* — связь с неизведанным, недоступным человеку и человеческим началом. С одной стороны, тайна — нечто неразгаданное, еще непознанное и непонятное, недоступное человеческому познанию. С другой стороны, тайна имеет человеческое начало — это нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет [16]. Эти понятийные признаки позволяют автору телетекста представить информацию в необходимом ракурсе: 1) мистическом, описывающем нечто таинственное, необъяснимое, природу которого предлагается разгадать, раскрыть зрителю в процессе внедрения в информационное пространство, и 2) сенсационном, эксклюзивном, производящем сильное впечатление, раскрывающем ранее неизвестные, засекреченные факты событий, совершенных с участием человека.

Таким образом, данные ракурсы определяют интенциональность мистицирования телепространства. Так, возникновение тайны во многом интригует, стимулирует интерес зрителя: *Что на самом деле скрывалось за кулисами фасада пер-*

вых домов Советов? [«Тайны Беларуси», 12.04.19]. Тайна вовлекает зрителя в совместное с автором раскрытие секретов, определяет динамическое, захватывающее начало сюжета: *Узнаем легенды таинственного минского парка* [«Маршрут построен», 28.06.20]. Дефицит информации, который представляет понятийную составляющую концепта «тайна», в этих случаях репрезентируется в виде предикатов секретности и интригующих риторических вопросов, получив информацию/ответы на которые адресат раскрывает тайны.

Концепт «тайна» интенсивно активизируется и служит триггером познавательной активности адресата: постигающего факты из области истории, искусства (*По сей день остается тайной зачем Юрий Ильинич, получивший Мир в наследство, связался в эту стройку века. У ученых есть только предположения* [«Тайны Беларуси», 21.11.19]); отправляющегося в телепутешествие по стране (*Нетонуций камень, который растет. Откроем загадки и тайны туровских крестов* [«Я хочу это увидеть. Туров», 2019]).

Современный познавательный дискурс тяготеет к интенсивному облачению обсуждаемого события из области истории, культуры страны, искусства в сенсацию (необычное происшествие, получившее широкую огласку; сильное, волнующее всех впечатление от какого-нибудь события, известия [19]), конспирологическую теорию, которые генетически не являются типологическими характеристиками познавательных текстов. Однако тайна всегда остается привлекательной для человека. Облачение любой информации в сенсационную и/или конспирологическую оболочку сразу делает ее актуальной, интересной для любопытной аудитории. Кроме того, сенсационные и конспирологические факты заманчивее и популярнее научных. Раскрытие тайны обещает зрителю получение новых, неизвестных никому ранее сведений, неожиданность, производящую яркие впечатления. Характерно, что семантическими опорами в таком случае выступают: риторические вопросы, преимущественно формируемые посредством обвинительной лексики (*подорвал, виноват, провалил*); глаголы физического действия в сочетании с лексемами со значением преднамеренности (*специально устроил, намеренно оборвал*); лексика сокрытия информации (*молчат, прячут от нас*); эмоционально-оценочная лексика, усиливающую масштабность события (*величайшая трагедия, крупнейший, невероятный, удивительные подробности, самые страшные (катастрофы, пожары, трагедии. Конкуренция между двумя*

сторонами существовала. И предположить, что некто мог специально устроить катастрофу — почему бы и нет [«Тайны Беларуси», 29.11.19]; *Кто виноват в крупнейшей катастрофе в Беларуси? Какие чудовищные эксперименты унесли десятки жизней?* [«Тайны Беларуси», 21.11.19]). Выделенные в примерах лексические маяки сигнализируют о значимости информации, маскируя под этой оболочкой псевдосенсационность, псевдопоиск разгадки неизвестного.

Обратимся к рассмотрению тематических объектов, погружаемых в мистицированное познавательное телепространство. Мистицирование охватывает все разнообразие предметов и явлений объективной реальности, которые помещаются в концептуальное поле тайны. Концепт «тайна», моделирующий познавательный теледискурс, не только становится каркасом документальных фильмов, посвященных культуре, историческим личностям, историческим и военным событиям, создает их ментально-информационный «портрет» [15. С. 255], но и прослеживается в лексико-семантической структуре познавательных передач, актуализирующих обыденное познание в сферах здоровья, питания, путешествия. По результатам исследования можно выделить основные текстообразующие объекты или топики, подверженные мистицированию:

Текстообразующие топики, мистицируемые в телепространстве

Как оказалось, помещение в концептуальное поле тайны нарративов, содержащих данные топики, придает обыденной информации статус актуальных, значимых, социально релевантных событий или явлений. Повседневные предметы: продукты питания, объекты живой и неживой природы — намеренно наделяются ореолом таинственного, несут в себе тайну, что-то неизведанное и загадочное — то, что хочется познать и разгадать. В качестве типичного примера можно привести передачу о Минском метро, его истории, в целом достаточно обычной и непримечательной, которая трансформируется в значимое событие посредством конструирования сенсационной, конспирологической теории, истории, окутанной тайнами. Зачин формируется следующим образом: *Невероятная судьба подземного царства. Кто спонсировал стройку века, объединившую весь Союз? И провалил генеральную репетицию на рельсах? Вокруг чего кипят тайны и теперь? И какие из станций до сих пор прячут от глаз? Все тайны единственной подземки страны* [«Тайны Беларуси», 09.11.18]. Далее лексико-семантическая структура текста насыщается маяками неизвестности, относящими явление или событие к сфере тайны: кластерами риторических вопросов, которые вводятся местоимениями, указывающими на деятеля, признаки, количество, но не называющими их: *кто, где, как*, лексемами со значением разведывания *найти, вывести секрет, поиск, расследовать*. Значимость информации в познавательных текстотипах в целом также интенсивно формируется за счет: лексикой, акцентирующей невозможность объяснения события (*не могут объяснить, не поддаются (исследователям)*), эмоциональных глаголов (*удивляет, поражает*) неизменно в комбинации со словесными комплексами, акцентирующими вневременность события (*до сих пор, еще долго, даже сейчас*).

Проанализируем иные лингвистические ресурсы/инструменты мистицирования (погружения в тайну) коммуникативного пространства телевидения.

В условиях конкурентной борьбы за зрителя названия телепередач реализуют не столько информационную, сколько ярко выраженную рекламную функцию. Гемеронимы (названия телепередач) также оказывают воздействие на аудиторию благодаря значениям слова, положенного в основу при их создании [17. С. 127]. Так, в коммуникативном пространстве познавательного телевидения распространены гемеронимы, конструируемые на основе концепта «тайна»: «Тайны Беларуси», «Врачебные тайны плюс», «Terra Incognita. Беларусь неизвест-

ная», «Все тайны Минского метро», — который может актуализировать идею «если это таинственное, скрываемое, значит правда». При этом локализация тайны в определенном пространстве — в стране или общественной сфере (медицине, естествознании и т. д.) — указывает на источник возникновения тайны, создает обстоятельственные комплексы, которые напрягают сюжет [3. С. 56].

Мистицирование далее сохраняется и поддерживается специфической композиционной организацией и контекстом телетекста. Репрезентация данного концепта в информативных, документальных жанрах познавательного телепространства (документальный фильм-расследование, фильм-исследование, фильм-биография, проблемные фильмы, видовой фильм), посвященных темам культуры, истории, значимых локальных событий, позволяет отнести его к типу концепта-сценария, поскольку он отвечает основным характеристикам сценария (зачастую сценария детектива): 1) носит сюжетный характер, в котором тайна является основой сюжета; 2) представляет собой последовательность нескольких стереотипных эпизодов во времени с признаками движения, развития [14. С. 74]: необъяснимые действия, поступки; расследование: сбор фактов, свидетельств очевидцев, участников события; раскрытие, объяснение тайны или констатация невозможности объяснения тайны; 3) эксплицирован лексикой, отражающей динамику развития описываемых событий (*еще не изучили, прячут от глаз, найти, выяснить, раскрыть тайну, открыть загадки, вывести секрет* и т. д.). Тайна в этом случае, с одной стороны, отсутствие информации, дефицит знания, которые предлагают восполнить зрителям, с другой — скрытая информация, раскрытие которой связано с определенными сложностями. Таким образом, процесс познания превращается в детектив, расследование или процесс поиска *неизвестного, таинственного и неразгаданного*, которые представляются автором как раскрытие тайн, секретов и загадок. Одновременно под этой оболочкой маскируются в ряде случаев научные факты, которые интересны узкой аудитории, — например, факты из области геологии, краеведения, зоологии, орнитологии, изобразительного искусства и т. д. В целях привлечения, стимулирования познавательного интереса большего числа зрителей к научной информации структурно-семантическая организация познавательного текста выстраивается по схеме коммуникативных действий расследования/детектива: 1) сигнал тайны, 2) расследование и 3) раскрытие тайны, то есть загадка

и разгадка. Интересной иллюстрацией тому является передача «Арт-истории», которая окутывает тайной жизнь и творчество художника Вильгейма Котарбинского, конструируя нарратив по схеме жанра расследования (сигнал тайны): *Но как картины этого художника оказались в Минске? (расследование); И пути все ведут в одно место — архив. И мы отправились в архив, и там, о чудо, мы нашли карточку. ...И уже к двадцатому году этих картин не стало! Куда ушли? Но интересно, что в Польше их нет (раскрытие тайны); Так где же коллекция находится до сих пор? Мы до сих пор не знаем. Мы не знаем ни его точной биографии, ни его имени. Уничтожены все фольварки, церкви, которые он расписывал. ...Но теперь эта история имеет счастливый конец* [Арт-истории, 2018]. Как видим, намеренно моделируемая автором из обыденных фактов (недостаточность информации об авторе, перемещение его картин за границу) тайна, или загадка, интрига, сохраняется до самого конца телепередачи, что позволяет держать зрителя в эмоциональном напряжении, ожидать весомого результата, который в сюжетной структуре текста отсутствует. Мистицированные нарративы подобного рода: проблематизирующие незначительные детали [10. С. 50], не дающие окончательный ответ или разгадку активно мультиплицируются в современном коммуникативном телепространстве.

Мифология как инструмент мистицирования познавательного телепространства

К. Г. Юнг представил идею о «коллективном бессознательном», которое «включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *cum grano salis* являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» [20]. Содержанием коллективного бессознательного являются художественные, мифологические образы или архетипы, которые могут выражаться сказками и мифами [21]. Исследователи отмечают тот факт, что опора на фольклор и фантазийность гарантирует текстам массмедиа коммерческий успех, обрекает «текстовые репрезентации на повышенный интерес аудитории» [2. С. 187].

Как показывает исследование, в сфере познавательного телевидения идея мифологического/фольклорного, сказочного хорошо прижилась и ак-

тивно эксплуатируется. Так, в коммуникативное пространство (названия телепередач, сюжетную линию) научно-просветительских передач интенсивно проникают в качестве героев мифологические, фольклорные существа, например: *Чупакабра, Змей Горыныч, русалки, лешие*, которые придают научному тексту мистическое звучание (*Полесье — уголок, который до сих пор не выдал всех своих тайн. Мифические существа русалки и водяные — их можно встретить только на Полесье. ...Наши языческие предки считали, что примерно в это время в водоемах просыпаются русалки. Только представьте себе! Не можете? Вот и мы не можем. Настолько не можем, что решили немедленно отправиться в путь, в самое сердце Полесья, чтобы найти ответы на все вопросы* [«Русальная неделя», 2015]). Усиление мистических красок в информационном пространстве обуславливается намерением автора конструировать определенный сюжетный рисунок, — например, поиск Чупакабры или озера русалок, в процессе которого зритель получает сведения о природном ландшафте, флоре и фауне исследуемой местности.

Мистицирование познавательного телепространства также интенсивно реализуется за счет апелляции к мифам и легендам, активно эксплуатируемым в текстовых репрезентациях познавательных жанров *путешествие, совет (эксперта, дачный совет), консультация*. Мифы, согласно антропологу Б. Малиновскому, являются важным составным элементом человеческой цивилизации; «активно действующей силой, прагматическим уставом примитивной веры и нравственной мудрости» [13. С. 94]. Кроме того, миф имеет огромное значение для развития научной мысли. В исследовательских целях миф может рассматриваться как научный факт, потому что он реален и принимает участие в формировании социального поведения [18. С. 36]. Помимо стимулирования познавательного интереса, апелляции к легендам, мифам в телепространстве оказывают позитивное воздействие на формирование туристских и географических когнитивно-аттрактивных образов Беларуси, являясь «неотъемлемой составляющей туристского брендинга территории» [1. С. 53]: *Один из самых интересных городов, овеянный тысячей легенд, которые не дают покоя историкам до сих пор* [«Земля обетованная». 08.07.15]. *В Беларуси за три тысячи километров от Святой Земли тоже есть места, которые магнитом притягивают к себе паломников и порождающие десятки легенд и немыслимых слухов* [«Тайны Беларуси». 21.11.19].

Познавательные нарративы при этом разворачиваются кластерами маркеров фантастического и неправдоподобного *миф, легенда, сказка* в сочетании с предикативными единицами семантики целенаправленного выведывания: *приоткрыть (тайны), обнаружить, выпытать, выяснить* (Сколько мифов, легенд придумывают дачники о своих растениях, то и дело приходится слышать о вот таких перцах или томатах, под урожаем которых ломаются ветки. Давайте разбираться, что работает на самом деле, а что бабушкины сказки [«Дача», 20.07.19]). Данный прием позволяет автору привлечь внимание к транслируемой информации, вовлечь зрителя в процесс получения практического знания.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что познавательное телепространство активно задействует идеи таинственного и мифологического. Ключевыми функциями мистификации являются: аттрактивная (привлечение внимания к темам культуры, истории, науки); познавательная (сти-

мулирование познавательной активности и вовлечение в нее медиааудитории); эмоционально организующая (формирование впечатлений (шокирование аудитории), получение адресатом эмоционального заряда от усваиваемой информации в процессе приобретения знания); а также имиджеформирующая (конструирование аттрактивного образа страны). Тайна и ее разгадка, вариативные образы народной мистики, апелляция к мифам становятся структурными элементами познавательных текстотипов, которые погружаются в контекст, конструируемый лексикой, моделирующей идеи сенсационности и/или конспирологичности, разгадывания и выведывания в сочетании лексическими единицами, акцентирующими вневременность события. Эта специфика познавательных текстов является следствием того, что в XXI в. телевидение перестроилось в индустрию развлечений, а их научно-познавательный сегмент нацелен на трансформацию научного и обыденного познания в процесс получения эмоций, развлечения в сочетании с приобретением полезных, интересных фактов о действительности.

Список литературы

1. Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Функциональное значение и место туристических легенд в формировании привлекательных свойств дестинаций // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2015. № 1. С. 52—60.
2. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Перемена, 2014. 228 с.
3. Вулис А. З. В мире приключений. Поэтика жанра. М.: Совет. писатель, 1986. 384 с.
4. Гегелова Н. С. Научно-популярное телевидение на российских телеканалах: реалии и проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 544—552.
5. Гришанина А. Н. Современный познавательный медиатекст: наивная и научная картины мира // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6, вып. 5 (22). С. 13—18.
6. Гуревич П. С. Философское осмысление мистики // Философская школа. 2018. № 5. С. 73—82.
7. Ершов Ю. М. Телевидение регионов в поиске моделей развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 30 с.
8. Зубов В. А. Мистика как элемент мировоззренческих ориентаций // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 790—793.
9. Иваненко А. Ю. Мистическое мышление как познавательная деятельность: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2002. 124 с.
10. Кожемякин Е. А. Телевизионная картина мира: некоторые тенденции конструирования телереальности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ II Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 5—7 окт. 2016 г. Белгород: Белгород, 2016. С. 46—54.
11. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
12. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
13. Малиновский Б. Роль мифа в жизни. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 94—108.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.

15. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. Запоріжжя: Прем'єр, 2008. 332 с.
16. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma227725.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения 08.10.2020).
17. Сулейман М. М. Место названия телепередач в системе имен собственных // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2016. № 6. С. 125—130.
18. Танимов О. В. Миф как нормативный регулятор жизни людей и как фикция // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 35—37.
19. Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/451354.html> (дата обращения 08.11.2020).
20. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного. URL: <http://jungland.ru/node/1596> (дата обращения 18.09.2020).
21. Юнг К. Г. Архетип и символ. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (дата обращения 08.10.2020).

Сведения об авторе

Гладко Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, Минск, Беларусь. glad_26@tut.by

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 37—44.*

MYSTIFICATION AS A PECULIARITY OF KNOWLEDGE TELEVISION

M. A. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus. glad_26@tut.by

The deployment of knowledge texts in modern television space is often accompanied by a mystical interpretation of phenomena, events and processes. As the study shows, the topic of the unknown and mysterious is firmly anchored in telecommunications, becoming a discourse-forming constant of knowledge text types of television. The functions, subjects, constituent elements and language methods of mystification of knowledge discourse are revealed and described. Mystification of the knowledge TV space is implemented through appeals to secrets, myths and legends, mythological folkloric creatures. Lexical beacons signal the significance and exclusivity of information, masking scientific facts, pseudo-exclusivity, pseudo-sensationalism, pseudo-search for clues to the unknown under this shell. Thus, in the 21st century television has reorganized into the entertainment industry, and its scientific and knowledge segment is aimed at assimilating scientific and everyday knowledge into entertainment, combined with the acquisition of useful, interesting facts about reality.

Keywords: *television, educational programs, mystification, concept, mystery/secret, mythology.*

References

1. Afanasyev O. E., Afanasyeva A. V. (2015) *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, no. 1, vol. 9, pp. 52—60 [in Russ.].
2. Buryakovskaya V. A. (2014) *Kommunikativnyye kharakteristiki massovoy kul'tury v mediynom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on Russian and English languages)]. Volgograd, Peremena. 228 p. [in Russ.].
3. Vulis A. Z. (1986) *V mire priklyucheniya. Poetika zhanra* [In the world of adventure. Poetics of the genre]. Moscow, Sovetskiy pisatel'. 384 p. [in Russ.].
4. Gegelova N. S. (2017) *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no. 22 (3), pp. 544—552 [in Russ.].
5. Grishanina A. N. (2015) *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*, iss. 6, no. 5 (22), pp. 125—130 [in Russ.].

6. Zubov V. A. (2014) *Molodoy uchonyy*, no. 4 (63), pp. 790—793 [in Russ.].
7. Ershov Ju. M. (2012) *Televidenie regionov v poiske modelej razvitiya* [Television of regions in search of development models]. Moscow, Moscow State University. 30 p. [in Russ.].
8. Gurevich P. S. (2018) *Filosofskaya shkola*, no. 5, pp. 73—82 [in Russ.].
9. Ivanenko A. Yu. (2002) *Misticheskoye myshleniye kak poznavatel'naya deyatel'nost'* [Mystical thinking as a cognitive activity. Thesis]. Magnitogorsk. 124 p. [in Russ.].
10. Kozhemyakin E. A. (2016) *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya*. Belgorod. Pp. 46—54 [in Russ.].
11. Kubryakova E. S., Dem'jankov V. Z., Luzina L. G., Pankrac Ju. G. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow State University. 245 p. [in Russ.].
12. Krasavsky N. A. (2001) *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Volgograd, Peremena. 495 p. [in Russ.].
13. Malinovsky B. (1998) *Rol' mifa v zhizni* [The role of myth in life]. Moscow, Refl-buk. Pp. 94—108 [in Russ.].
14. Popova Z. D. (2003) *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki. 192 p. [in Russ.].
15. Prikhodko A. M. (2008) *Kontsepty i kontseptosistemi v kognitivno-diskursivniy paradigmati lingvistiky* [Concepts and concept systems in the cognitive-discursive paradigm of linguistics]. Zaporizhzhia, Prem'yer. 332 p. [in Ukrainian].
16. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma227725.htm?cmd=0&istext=1>, accessed 15.10.2020 [in Russ.].
17. Sulejman M. M. (2016) *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, no. 6, pp. 125—130 [in Russ.].
18. Tanimov O. V. (2012) *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5, pp. 35—37 [in Russ.].
19. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka Ushakova* [Explanatory dictionary of Ushakov]. Available at: <https://slovar.cc/rus/ushakov/451354.html>, accessed 26.12.2020 [in Russ.].
20. Jung K. G. [On the archetypes of the collective unconscious]. Available at: <http://jungland.ru/node/1596>, accessed 05.10.2017 [in Russ.].
21. Jung K. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232>, accessed 10.11.2020 [in Russ.].